

УДК 340.1

DOI: 10.17223/22253513/34/3

В.В. Субочев

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ КАК ОСНОВА УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ В ЭПОХУ ПОСТПРАВДЫ

Представлен анализ механизмов политико-правового манипулирования. Подчеркивается, что масштаб данного явления предопределен доминирующими либеральными императивами и является ответом публичной власти на запросы самого общества. Технологии политико-правового манипулирования исследуются через призму постправды – феномена, который нивелирует объективные либо научные данные при формировании общественного мнения при одновременном гипертрофировании значимости эмоций и личных убеждений.

Ключевые слова: политико-правовое манипулирование, право, политика, пост-правда, правда, управление.

Для управления современными общественными процессами используются самые разнообразные правовые и политические средства. Однако все чаще политико-правовые механизмы анализируются через призму манипулирования общественным мнением, запросами и интересами людей, их ожиданиями и настроением [1, 2]. Технологии манипулятивного воздействия активно проникают в менеджмент, маркетинг, образование, медицину, здравоохранение, культуру, религию и иные сферы, занимая все большее место и играя все более значительную роль в государственном и муниципальном управлении, международных отношениях и геополитике.

Исходя из очевидного факта неразрывного единства правовых (юридических) и политических инструментов, используемых на различных уровнях власти и управления, под политико-правовым манипулированием мы предлагаем понимать способ воздействия на общественные отношения политическими и правовыми средствами, представляющий собой стремление изменить восприятие или поведение людей при помощи скрытой, обманной или насильственной тактики или стратегии.

Политико-правовое манипулирование как ответ на запрос общества

Политико-правовое манипулирование сегодня стало данностью, характеристикой практически любых приемов и методов воздействия на общество. Появляется все больше работ, как анализирующих аморальные аспекты любых манипуляций в политической и правовой сфере, так и фокусирующих внимание на способах противодействия манипулятивным технологиям [3–7].

Безусловно, вряд ли выглядит этичным процесс, в котором объект манипуляции действует в интересах субъекта манипуляции, да еще и вопреки своим интересам. Еще более негативную окраску получают искажение и программирование как представлений, так и потребностей людей, исходя из системы координат, навязанной объектами манипуляций, что актуализирует рассуждения С. Льюкса о трех измерениях власти [6, 7].

Вместе с тем мы полагаем, что современное общество демонстрирует устойчивый и ярко выраженный запрос на политико-правовое манипулирование, не говоря уже о том, что эффективность самого управления резко возрастает при обращении субъектов принятия управленческих решений к манипулятивным технологиям. В силу сказанного, винить в повсеместном распространении политико-правовых манипуляций некого, данный процесс – лишь своеобразный общий знаменатель сложившейся структуры управления в обществе, квинтэссенция процесса принятия управленческих решений любого масштаба в условиях тотальной либерализации. Остановимся на данном тезисе подробнее.

Эпоха либерализма, проходящая под лозунгом бескомпромиссной борьбы за права и свободы человека и гражданина, являющиеся высшей ценностью, с неизбежностью привела к тому, что открытое доминирование субъектов управления (первое измерение власти, по С. Льюксу) становится либо неэтичным, либо невозможным по целому ряду причин. Такое доминирование, осуществляемое лишь при открытом навязывании (или открытой победе) воли одного субъекта правоотношений другому, ассоциируется с авторитаризмом или тоталитаризмом, уменьшением возможностей для оппонентов или общества в целом вести себя определенным образом, если они не хотят подчиниться воле победителя.

Поэтому политико-правовое манипулирование выходит на первый план там, где открытое доминирование невозможно, предосудительно или просто в определенный отрезок времени нежелательно. Забота о правах, свободах, законных интересах [8] и возможностях самореализации объектов управления, равно как и политических оппонентов, заставляет прибегать к неявным тактикам управления, которые в большинстве своем и являются манипулятивными технологиями.

Технология и формы политико-правового манипулирования

Открытое доминирование «уступает место» более «демократичной» речевой и текстуальной идеологизации всех сторон жизни общества [9, 10], приводя не только к лозунговости и клишированности выступлений политиков, подачи информации в СМИ [11], но и к идеологизации нормативно-правовых актов разного уровня.

Фокусируя внимание на информационно-психологическом аспекте действия права, следует отметить, что юридические средства можно классифицировать либо на стимулирующие (права, свободы, дозволения, льготы, поощрения) – «пряник», либо на ограничивающие (юридические обязанно-

сти, запреты, наказания и т.д.) – «кнут». Причем в современных механизмах управления обществом стимулы и ограничения используются не только по «прямому назначению» – чтобы простимулировать или ограничить субъектов правоотношений, но и с учетом их диалектического единства, парности. Другими словами, стимулы и ограничения выступают двумя информационными сторонами управленческого процесса, причем всякий правовой стимул как позитивное средство, стимулируя одни поступки, одновременно позитивно ограничивает другие, всякое же правовое ограничение как негативное средство, наоборот, сдерживая одни поступки, одновременно негативно стимулирует другие [12. С. 243].

Современные политико-правовые механизмы данную диалектику учитывают, многократно усиливая потенциал именно позитивного ограничения, когда прямые запреты и директивы уступают место стимулам желательной для государства активности в смежных отраслях, тем самым сводя на нет активность в сфере нежелательной.

Вслед за политическими средствами правовой инструментарий также становится все более «демократичным», неявно расставляя стимулы таким образом, чтобы перевести, направить активность участников общественных отношений в нужное русло, избегая непопулярных запретов, наказаний и иных форм ограничений. Политико-правовое манипулирование набирает обороты, убеждение активно сочетается с внушением, а основной технологией данного вида манипулирования является апелляция к мнению масс, избирателей, которое, в принципе, известно заранее и под запросы которого и подстраиваются предпринимаемые субъектами управления действия.

В обществе создается впечатление открытости власти в силу имитации обратной связи между просителем и чиновником, которая, однако, выступает не чем иным, как компьютерной программой с заранее заданным алгоритмом ответов.

Политико-правовое манипулирование активно использует внедрение в общественное сознание определенных социальных мифов, которым люди склонны верить просто лишь потому, что так удобно, так современно, так выгодно. Огромную роль в политико-правовом манипулировании играют, например, мифы об исключительности роли США, о безальтернативности либерального пути развития, о России как агрессоре, о необходимости антироссийских санкций, о неких радикалах, постоянно накаляющих обстановку в различных странах, об антироссийских настроениях в мире, о попытках изменить историю и т.д.

Многократное повторение данных мифов приводит к их укоренению в общественном сознании, а, согласно известным законам пропаганды, чем чудовищнее ложь, тем в нее легче поверить. Население начинает верить в то, во что верить выгодно, а власть – использовать тот факт, что человек – это система стереотипов, сложившихся у него в голове [13], и использовать это для создания иллюзии причастности большинства к осуществляемой политике.

Большинство способов и приемов политико-правового манипулирования в эпоху тотальной информатизации просто невозможно осуществить без одновременного выполнения следующих основополагающих условий:

1) апелляции к запросам и потребностям объектов манипуляций (что стало активно обсуждаться учеными еще в 1978 г. [14]), всемерного потакания их интересам на фоне массивированной лести избранному варианту поведения. Манипуляторы эксплуатируют такие потребности, игра на которых всегда приведет к искомому результату: качество пищи, безопасность, общность, сопричастность, желание путешествовать, получить качественное образование, удовлетвориться в сознании собственной важности, значительности, уникальности, непохожести на других и т.д.;

2) опоры на эмоции, чувства и психологию целевой аудитории;

3) изменения представления объектов манипуляций о сложившейся проблеме, гипертрофирования тех аспектов, которые, без явного противоречия законам формальной логики, вызовут естественную реакцию одобрения объектов манипуляции.

Любое из перечисленных условий полностью вписывается в систему либеральных ценностей современного мира – ставит человека с его правами, свободами, законными интересами и, главное, запросами в центр демократического механизма управления и концентрируется на его потребностях и желаниях, а также способах их немедленного удовлетворения.

Существует большое количество способов политико-правового манипулирования, отвечающих заданным выше характеристикам [15]. Объем настоящей статьи позволяет лишь очень кратко остановиться на некоторых из них.

1. Новостная «подача информации», когда необходимая субъектам манипуляции информационная картина формируется при активном участии новостных агентств. Люди склонны верить в то, что новость – это объективное отражение реалити, то, что случилось и в силу самого факта события не может быть искажено. Это и лежит в основе данного способа манипулирования. Новостные агентства круглосуточно формируют представление населения и его, что немаловажно, отношение к существующим или вымышленным реалиям. CNN и FOX News – яркий пример противоположной подачи одних и тех же событий, имеющих отношение к политической повестке дня в США.

2. Политическая реклама и агитация, которые весьма навязчивы далеко не только в периоды избирательных кампаний. Избирательные кампании – это лишь период определенного форматирования политической пропаганды, которая проводится систематически, изо дня в день.

3. Внедрение в общественное сознание нужной информации, причем зачастую и той, которая прямо не относится к политико-правовой повестке дня, но будет ею использована [16]. Она может касаться культурных событий в каких-либо государствах, образа жизни известных и успешных людей, проведения выставок, открытия новых спортивных центров, научных прорывов и т.д.

4. Формирование определенного имиджа политических деятелей, а также их конкурентов. Общеизвестный факт, что люди голосуют не столько за конкретную политическую программу, сколько за кандидата, ее олицетворяющего или проводящего в жизнь. Поэтому субъекты политико-правового манипулирования уже не навязывают населению какие-то новые правила игры, программы или новых лидеров, «героев». Обществу лишь предлагается «аппетитная наживка» как ответ на изученные запросы, а население «активно клюет» на найденную политическую фигуру [17].

Особенно примечательно в данном контексте использование политическими технологами такого когнитивного искажения, присущего большинству неискушенных граждан, как «эффект ореола», когда общее впечатление о явлении или человеке влияет на восприятие его частных особенностей или качеств [18, 19]. Так, успешный спортсмен, герой, благотворитель, артист, просто гиперпопулярный человек может позиционироваться в будущем как успешный политик, а успешный политик также либо является хорошим спортсменом, либо обладает другими «имиджевыми» увлечениями [20]. Политик, который пойман врасплох журналистами в неопрятном виде, в момент, когда он оступился, оговорился и т.п., уже не ассоциируется с тем «суперменом», который нужен обществу.

5. Воздействие и обыгрывание в политико-правовой повестке дня болевых или особо чувствительных точек. Отношение к исторической памяти, к Великой Отечественной войне и ее жертвам, попыткам исказить историю и умалить заслуги советского народа во Второй мировой войне – данные «болевые точки», к сожалению, используются и в манипулятивных целях, в нагнетании нужных настроений в обществе, формировании требуемого информационного фона и т.д.

6. Апелляция к благородным чувствам и высоким мотивам при введении непопулярных мер и использовании явных и не всегда обоснованных правовых ограничений, популяризация и героизация непопулярных мер, формирование информационного фона неизбежности предпринимаемых «сложных» решений. Печально известные в России монетизация льгот, административная и пенсионные реформы, контрсанкции и запрет на ввоз в страну или вывоз из нее определенных товаров, отказ от каких-либо услуг и т.д., несмотря на сложный политический, экономический и правовой подтекст, апеллируют к благородным чувствам населения и объясняются не только и не столько экономической целесообразностью. Мировая практика пополнения городских бюджетов в результате введения дорогостоящих платных парковок еще ни разу не опиралась на информационный фон экономической логики введения данных мер, но взывала к необходимости «наведения порядка» на дорогах, «ограничения движения» в исторических местах, «заботы об экологии» и другим высоким мотивам.

7. Создание информационного фона, поддерживающего убежденность большинства в том, что «тем, кто не с нами, – еще хуже», «кто не с нами – тот предатель, пятая колонна», «большинство ошибиться не может», «патриоты власть поддерживают, а не критикуют», «власть всегда старается, но

ей мешают», «скоро все поймут, что мы были правы», «мы живем плохо, потому что кругом война» и т.д. В отмеченном отношении весьма интересен анализ как языка, так и фактов, используемых в российских и американско-европейских СМИ, когда первые делают акцент на том, что санкции «не только вредны, но и полезны», а вторые пытаются доказать их «необходимость и высокую эффективность». Данный способ политико-правового манипулирования также тесно связан с навешиванием ярлыков, клише, использованием и популяризацией языковых шаблонов («точечные бомбардировки», «международный терроризм», «неконтролируемая миграция», «антиконституционные проявления» и т.д.).

8. Ограничение дискуссии в отношении определенных тем, событий, фактов (в этом находит свое проявление второе измерение власти, по Льюксу), ограничение критики, депопуляризация имиджа возможных оппонентов и т.д.

9. Легитимизация лжи, «полуправды» под предлогом защиты «чувств верующих», «прав меньшинств», «отражения информационных атак», «борьбы с искажением правды» и т.д.

10. Использование, по аналогии с Голливудом, культуры и духовной сферы, художественных образов для популяризации определенного уклада жизни, идеи, людей и т.д. Такие сферы, как наука, искусство, образование и т.д., уже давно стали неотъемлемым элементом не только применения мягкой силы, но и осуществления политико-правового манипулирования.

11. Формирование псевдособытий, преувеличение / преуменьшение значимости тех событий, которые играют на руку субъектам манипуляций.

12. Провоцирование оппонента на непопулярные действия, использование «теории игр» [21] и оказание «медвежьих услуг» в отношении конкурентов, акцентирование внимания на их недостатках.

13. Использование рейтингов как единственно верных критериев оценки деятельности политиков, формирование рейтингов и привлечение сторонников к успешным фигурам.

14. Использование эффекта парности стимулов и ограничений в юридической технике, смещение акцента в сторону позитивных ограничений вместо прямого использования понятных запретов и приостановлений.

15. Активная легализация и легитимизация избранного политического курса и стратегии управления при помощи нормативно-правовых актов разного уровня.

Субъекты публичной политики все активнее используют правотворческие, правоприменительные и правоинтерпретационные средства при осуществлении политико-правового манипулирования, а правовые инструменты, в свою очередь, становятся все более политизированными, зависящими от политической воли и усмотрения отдельных личностей.

Обеспечение достойного уровня жизни граждан все чаще используется лишь как абстрактный приоритет предпринимаемых реформ либо как собирательное понятие, которое преломляется к текущему моменту с учетом доминирующих общественных запросов.

Актуализируется позиция, согласно которой жертвам манипуляции в большинстве случаев присущи такие признаки, как страсть к удовольствиям, склонность к получению одобрения и признания окружающих, страх перед отрицательными эмоциями, нехватка самостоятельности и низкая уверенность в своих силах [15]. Субъекты политико-правового манипулирования как раз и пользуются доминирующими в обществе настроениями, страхами, предпочтениями и потребностями для более эффективной реализации управленческих задач.

В результате, как и предупреждал Э. Фромм, человек утрачивает свою активную, ответственную роль в социальном процессе, становится полностью «отрегулированным» и обучается тому, что любое поведение, действие, мысль или чувство, которое не укладывается в общий план, создает ему большие неудобства [22].

В итоге напрашивается очевидный вывод: демократия нуждается в политико-правовом манипулировании, а манипулирование нуждается в демократии, которая и помогает создать «социогеничную», презентабельную маску для практически любых управленческих решений. Каков в обществе запрет – таков и ответ.

Политико-правовое манипулирование и постправда: аспекты корреляции

Стремление создать благоприятный имидж власти, желание не столько решить проблему, сколько использовать запросы населения для реализации уже заготовленных сценариев развития приводит к тому, что границы правильного и ошибочного, правды и лжи постепенно стираются. В итоге термин «постправда», несмотря на то что использовался еще с 1992 г. [23], по оценкам Оксфордского словаря английского языка стал термином 2016 г. Постправда данным изданием определяется как обстоятельства, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращения к эмоциям и личным убеждениям [24]. Данная закономерность обусловила возникновение новой формы реализации публичного управления – политики постправды (post-truth politics), субъекты которой не только активно оперируют «псевдоправдой», но и на основе искажения реальных фактов осуществляют политико-правовое манипулирование невиданных ранее масштабов.

Постправду необходимо отличать от откровенной лжи или обычных фейковых новостей (fake news). Подобно тому, что манипуляция тоньше, изощреннее и в итоге эффективнее, нежели неприкрытая ложь, постправда не опирается на неправду, но зиждется на том, что люди склонны доверять авторитетным мнениям, оценочным суждениям, эмоциональным заключениям больше, нежели сухим научным фактам.

Распространение данного феномена Р. Мак-Дермотт справедливо сравнивает с политической пандемией (political pandemic) [25], подчеркивая, что в США данный термин стал наиболее часто ассоциироваться с полити-

кой и публичными выступлениями Д. Трампа. К примеру, во время президентской кампании избиратели полагали, что Трамп был с ними намного честнее, чем его соперница на выборах Х. Клинтон, несмотря на то что факты говорили об обратном. Так, анализ утверждений, высказанных политиками, показал, что 129 из 169 сделанных Трампом утверждений были ложными, тогда как у Клинтон ложными оказались лишь 59 утверждений из 212 [26]. Другими словами, как в этом, так и в целом ряде аналогичных случаев избиратели склонны верить тому, что прямо противоречит фактам и здравой логике.

Специалисты выделяют несколько основных характерных для феномена постправды черт. Во-первых, политика, основанная на постправде, апеллирует не к фактам и объективным реалиям, а к эмоциям и чувствам (страх, ненависть, злоба и т.д.), которые, будучи спровоцированными одним событием, в дальнейшем экстраполируются на другие. К примеру, негативная реакция общественности на отдельные заявления политика при умелой обработке в СМИ с легкостью экстраполируется на всю его предвыборную программу. Во-вторых, аргументация в политике постправды построена таким образом, что она произвольно использует проверенные факты в иллюстрации непроверенных или голословных утверждений. Официальные статистические данные могут умело использоваться для иллюстрации тенденций, напрямую с данной статистикой не связанных. Помимо сказанного, политика постправды опирается на постоянное повторение, тиражирование нужной информации, вдалбливание ее в сознание населения, даже если она носит во многом субъективный, оценочный характер. Критика же и контраргументы в политике постправды игнорируются, трактуются через призму происков врагов, неудачников и недоброжелателей [25].

Если научно обоснованные, проверенные и доказанные факты являются тем золотым стандартом, который и должен применяться в формировании убеждений и взглядов населения, то политика постправды данные факты интерпретирует весьма произвольно, в соответствии с тем, что общество ожидает услышать, либо использует строго в соответствии с источником информации, но в тех дискуссиях, где они не могут быть использованы в качестве средства обоснования позиции.

Именно поэтому в современном обществе предпочтение отдается не столько правде, сколько тому, что выглядит правдоподобно [27]. А правдоподобнее, чем даже самые обоснованные научные факты, может выглядеть все то, что соответствует пяти базовым критериям [25].

1. Соответствие или соотносимость (*compatibility*) информации с общими убеждениями человека, его мировоззрением и знаниями. В этом отношении парадоксально, насколько именно социальная идентичность человека способна повлиять на его оценку событий как правдивых (или не соответствующих действительности). Соотносимость информации как критерий иллюстрирует способность эмоций выступать мерилем правдивости информации – люди более склонны принимать на веру те убеждения, которые соответствуют их изначальным знаниям или позициям, что

объясняется феноменом «предвзятого усвоения информации» (biased assimilation [28]).

2. Непротиворечивость (coherence), которая предполагает внутреннюю согласованность, логичность и правдоподобность информации. Немаловажную роль здесь играют также простота и доступность материала, так как чем проще информацию усвоить, ретранслировать, пересказать или просто поделиться ею со знакомыми, тем более непротиворечивой она выглядит в глазах обывателя [29].

3. Надежность (credibility) информации, что, по большому счету, означает авторитетность, статусность ее источника.

4. Единодушие (consensus) в восприятии и оценке информации в обществе. Данный критерий подчеркивает, что чем большее количество людей разделяют данную позицию, тем более правдоподобной или истинной она является.

5. Аргументированность или обоснованность (support) информации, что означает наличие у нее достаточной доказательственной, верификационной базы. Вместе с тем сама доказательственная база приведенной аргументации может быть весьма относительной, субъективной и подвергаться существенному влиянию разнородных факторов.

Очевидно, что все высказанные критерии имеют мало общего с действительно непредвзятой оценкой информации, даже той, которая сама по себе является правдивой и обоснованной (что случается в политической сфере достаточно редко). Согласно весьма распространенной модели оценки информации Н. Шварца, Э. Ньюмана и В. Лича, люди склонны оценивать правдивость информации одним из двух способов: они полагаются либо на имеющие отношение к ней факты и иные проверенные обстоятельства, что требует значительных усилий с их стороны, либо на то, насколько легко и быстро данная информация может быть усвоена [30]. Естественно, что второй способ в обществе доминирует.

Таким образом, пандемическое распространение политики постправды обязано достаточно простому факту: люди склонны верить той информации, которую им легче усвоить, а такая информация, в свою очередь, быстрее ретранслируется, распространяется в СМИ и иных социальных медиа.

Сказанное и обуславливает полярные оценки и подходы к одним и тем же событиям как внутри государств, так и на международной арене. Со всем недавние политические события, связанные с бомбардировками Югославии, Арабской весной, попыткой государственного переворота в Венесуэле, кризисом Евросоюза, Брекситом и т.д., являются красноречивым свидетельством победы постправды и технологий политико-правового манипулирования, приведшим не только к расколу среди населения, но и к переписыванию мировой истории.

Необходимо также подчеркнуть, что откровенная фальсификация фактов и ложь, будучи как следствием, так и отчасти первообразной политики постправды, к сожалению, все чаще формируют повестку дня для многих субъектов публичной власти. Так, в водоворот технологий откровенной

лжи попадают, казалось бы, незыблемые истины и факты. Сказанное в полной мере относится к масштабной фальсификации фактов и итогов Второй мировой войны, вклада советского народа в победу над фашизмом. В связи с этим С. Лавров справедливо предупреждает о том, «недоброжелатели стремятся умалить роль Советского Союза во Второй мировой войне. Представляют СССР если не как главного виновника войны, то как агрессора – наряду с фашистской Германией, муссируют тезисы о “равной ответственности”». На одну доску цинично ставятся нацистская оккупация, унесшая десятки миллионов жизней, преступления коллаборационистов и освободительная миссия Красной Армии. Возводятся монументы в честь пособников фашистов. В то же время памятники воинам-освободителям и захоронения павших бойцов в отдельных странах подвергаются осквернению и разрушению» [31. С. 6]. Обозначенные процессы имеют место на фоне массовой пропаганды, внедрения в западную систему образования ложных трактовок истории, когда в ход идут мистификации, псевдоисторические теории и другие средства [Там же].

Таким образом, «политкорректный» термин «постправда» приводит к самым непредсказуемым последствиям, прямым искажениям, фальсификациям и, как следствие, провоцированию напряжения в обществе. Постправдой очень легко «заиграться».

В качестве наиболее простого средства борьбы с распространением постправды мы видим то, что правда и научно обоснованные факты должны быть востребованы обществом в большей степени, нежели сегодня востребован запрос на ту информацию, которая соответствует сложившемуся у большинства людей мировоззрению, вписывается в сформированные стереотипы и предубеждения и всемерно способствует утверждению в объектах манипуляций сознания собственной значимости, уникальности и успешности.

Выводы

Распространение политики постправды имеет далеко идущие последствия: она не только искажает реальную политическую ситуацию как внутри государств, так и на международной арене, но и меняет отношение в обществе к самой науке и научно обоснованным фактам. Социальный и политический дискурс не должен искажать достижения науки [32, 33], но призван всемерно способствовать их использованию ради истинного прогресса в регулировании общественных отношений. Тем не менее в настоящее время прорывные научные достижения преломляются вездесущей призмой постправды ради повышения эффективности публичного управления, основанного на технологиях политико-правовых манипуляций.

Политика постправды – это и удачный фон для осуществления политико-правового манипулирования, и одновременно его последствие. Парадокс политико-правового манипулирования заключается в том, что оно не опирается на откровенную ложь. Вместе с тем оно не отвечает истинным

потребностям населения и, базируясь на объективных научных и иных данных, искажает их в угоду сложившемуся дискурсу, превращая в постправду. Постправда – это не ложь, но и правдой она также не является, а следовательно, способна спровоцировать откровенное искажение фактов и переписывание истории.

Важно осознать, что без ярко выраженного общественного запроса политика постправды и политико-правовое манипулирование потеряют свой основной ресурс – доверчивость населения и его гипертрофированные, заранее сформированные потребности. Но диалектика регулирования общественных процессов возвращает нас к тому, что для этого сами субъекты публичной власти должны изменить концепцию управления, что вряд ли возможно сделать без подрыва эффективности сложившихся инструментов воздействия на общественные процессы.

Кроме того, политико-правовое манипулирование всегда осуществляется не только в рамках правового поля, в рамках дозволенного законом, но и само использует правовые средства ради легитимации и легализации своих действий. Сказанное позволяет утверждать, что политико-правовое манипулирование стало атрибутом современного эффективного управления обществом, превратив правду в постправду, изобретя для этого социальные и эмоциональные критерии истины.

Различные социальные группы с готовностью становятся активными субъектами легитимизации политико-правового манипулирования, так как даже осознавая себя объектами манипулятивного воздействия, оценивают плюсы текущего момента гораздо выше, нежели те негативные последствия, которые не заставят ждать своего проявления в будущем.

Литература

1. Cabrejas-Penuelas A.B. Manipulation as an Ideological Tool in the Political Genre of Parliamentary Discourses // *Pragmatic*. 2017. № 27 (2). P. 207–234.
2. Dijk T.A. Discourse and Manipulation // *Discourse and Society*. 2006. № 17 (2). P. 359–383.
3. Schotter E.R., Leinenger M., von der Malsburg T. When Your Mind Skips What Your Eyes Fixate: How Forced Fixations Lead to Comprehension Illusions in Reading // *Psychonomic Bulletin and Review*. 2018. № 25 (5). P. 1884–1890.
4. Paulo N., Bublitz C. Pow(d)er to the People? Voter Manipulation, Legitimacy, and the Relevance of Moral Psychology for Democratic Theory // *Neuroethics*. 2019. № 12 (1). P. 55–71.
5. Petrova M.V. Strategies and Tactics of Verbal Countermanipulation // *XLinguae*. 2018. № 11 (3). P. 185–196.
6. Lukes S. *Power: a Radical View*. 2nd ed. London : Palgrave, 2005. 185 p.
7. Балацкий Е.В. Измерения власти по С. Льюксу // *Мир России*. 2019. Т. 28, № 2. С. 172–187.
8. Субочев В.В. Законные интересы: основы теории // *Государство и право*. 2009. № 5. С. 15–23.
9. Cakmak F. The role of ideology in political communication and media // *Journal of Social Sciences Research*. 2018. №. 4 (12). P. 813–819.
10. Gómez J.D.F., Hernández-Santaolalla V., Sanz-Marcos P. Influencers, Personal Branding and Political Ideology on Twitter // *Cuadernos.info*. 2018. № 42. P. 19–37.

11. Bouvier G., Machin D. Critical Discourse Analysis and the Challenges and Opportunities of Social Media // *Review of Communication*. № 2018. № 18 (3). P. 178–192.
12. Малько А.В. Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики // *Юридическая техника*. 2018. № 12. С. 238–248.
13. Lerner M. *America as a Civilization: Life and Thought in the United States Today: with a Postscript Chapter «The New America», 1957–1987*. Oxford & IBH Publishing Company, 1988. XVII, 1102 p.
14. Rudinow J. Manipulation // *Ethics*. 1978. Vol. 88, № 4. P. 338–347.
15. Braiker H.B. *Who's Pulling Your Strings? How to Break the Cycle of Manipulation and Regain Control of Your Life*. New York : McGraw-Hill Prof Med/Tech, 2004. 256 p.
16. Касаткин П.И., Боброва М.А. Развитие концепции «американской гражданской религии» // *Международные процессы*. 2016. Т. 14, № 3 (46). P. 81–95.
17. Podjed D. We Don't Need Another Hero! The Importance of Celebrities in the Post-Truth Era // *Traditiones*. 2016. № 45 (1). P. 7–20.
18. Palmer C.L., Peterson R.D. Halo Effects and the Attractiveness Premium in Perceptions of Political Expertise // *American Politics Research*. 2016. № 44 (2). P. 353–382.
19. Peterson R.D., Palmer C.L. Effects of Physical Attractiveness on Political Beliefs // *Politics and the Life Sciences*. 2017. № 36 (2). P. 3–16.
20. Касаткин П.И., Ивкина Н.В. Личность президента как фактор формирования внешнеполитической повестки дня США (некоторые итоги президентства Б. Обамы) // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 1. P. 125–135.
21. Диксит А., Нейлбафф Б. Теория игр. Искусство стратегического мышления в бизнесе и жизни. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2015. 464 с.
22. Фромм Э. *Бегство от свободы*. М. : Прогресс-Универс, 1995. 269 с.
23. Tesich S.A. Government of Lie» // *The Nation*. 1992. Vol. 254, № 1. P. 12–14.
24. Word of the Year // *Oxford Dictionary*. 2016, Nov. 16. URL: <http://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016> (accessed 20.06.2019).
25. McDermott R. Psychological Underpinnings of Post-truth in Political Beliefs // *PS – Political Science and Politics*. 2019. № 52 (2). P. 218–222.
26. Clement S., Guskin E. Post-ABC Tracking Poll Finds Race Tied, as Trump Opens up an 8-Point Edge on Honesty // *Washington Post*. 2016. Nov. 2.
27. Rose D.C. Avoiding a Post-truth World: Embracing Post-normal Conservation // *Conservation and Society*. 2018. № 16 (4). P. 518–524.
28. Charles L., Ross L., Lepper M. Biased Assimilation and Attitude Polarization // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1979. № 37 (11). P. 2098–2109.
29. Johnson-Laird P.N. Inference with Mental Models // *The Oxford Handbook of Thinking and Reasoning*. 2012. P. 134–145.
30. Schwarz N., Newman E., Leach W. Making the Truth Tick and the Myths Fade: Lessons from Cognitive Psychology // *Behavioral Science & Policy*. 2016. № 2 (1). P. 85–95.
31. Лавров С.В. О Дне Победы // *Международная жизнь*. 2019. № 6. P. 4–9.
32. Horton P., Brown G.W. Integrating evidence, politics and society: a methodology for the science-policy interface // *Palgrave Communications*. 2018. № 4 (1). Article 42. URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85065044915&doi=10.1057%2fs41599-018-0099-3&partnerID=40&md5=8d259941e5db15d9a5db736e334509c6> (accessed: 23.06.2019).
33. Angermuller J. Truth after post-truth: for a Strong Programme in Discourse Studies // *Palgrave Communications*. 2018. № 4 (1). Article 30. URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85049841060&doi=10.1057%2fs41599-018-0080-1&partnerID=40&md5=6ccbbe0611bbdd5a4f95ed0ea6181423> (accessed: 23.06.2019).

Subochev Vitaly V., MGIMO-University (Moscow, Russian Federation)

POLITICAL-LEGAL MANIPULATION AS THE BASIS FOR THE GOVERNANCE OF SOCIETY IN THE ERA OF POST-TRUTH

Keywords: political-legal manipulation, law, politics, post-truth, truth, governance.

DOI: 10.17223/22253513/34/3

A wide variety of political and legal means are used to govern modern social processes. Increasingly, however, political and legal mechanisms need to be analyzed through the prism of manipulating public opinion, people's demands and interests, their expectations and moods. Manipulative technologies are actively infiltrating various areas, starting to play an increasingly important role in public and municipal governance, international relations and geopolitics.

Proceeding from the obvious fact of inseparable unity of legal and political instruments used at different levels of authority and governance, political and legal manipulation should be understood as a way of influencing public relations by political and legal means, which constitute a desire to change people's perceptions or behavior through covert, deceptive or violent tactics or strategies.

Political-legal manipulation comes to the foreground when overt domination is impossible, reprehensible, or simply undesirable for a certain period of time. Concern for the rights, freedoms, legitimate interests and possibilities of self-fulfillment of the objects of governance, as well as political opponents makes it necessary to resort to implicit, "veiled" management tactics, which, for the most part, are manipulative technologies.

Authorities are actively using law-making, law enforcement and law interpreting means when implementing political and legal manipulation, legal instruments are becoming increasingly politicized, dependent on political will and the discretion of individuals.

The desire to create a favorable image of authority, the desire not so much to solve the problem, but to use the needs of the population to implement the prepared development scenarios leads to the fact that the boundaries between right and wrong, truth or lies are gradually disappearing. As a result, the term "post-truth" is becoming more common on the pages of both political and legal research papers.

Post-truth can be defined as a certain set of circumstances in which objective facts are less significant for shaping public opinion than the appeals to emotions and personal beliefs. This regularity has led to the emergence of a new form of public governance - post-truth policies, the subjects of which do not only actively use "pseudo-truth" but also carry out an unprecedented wide scale political-legal manipulation on the basis of distortion of real facts.

The spread of post-truth politics has far-reaching consequences: it distorts not only the real political situation both within states and internationally, but also changes the very attitude of society to law and politics.

References

1. Cabrejas-Penuelas, A.B. (2017) Manipulation as an Ideological Tool in the Political Genre of Parliamentary Discourses. *Pragmatic*. 27(2). pp. 207–234. DOI: 10.1075/prag.27.2.02cab
2. Dijk, T.A. (2006) Discourse and Manipulation. *Discourse and Society*. 17(2). pp. 359–383. DOI: 10.1177/0957926506060250
3. Schotter, E.R., Leinenger, M. & von der Malsburg, T. (2018) When Your Mind Skips What Your Eyes Fixate: How Forced Fixations Lead to Comprehension Illusions in Reading. *Psychonomic Bulletin and Review*. 25(5). pp 1884–1890. DOI: 10.3758/s13423-017-1356-y
4. Paulo, N. & Bublitz, C. (2019) Pow(d)er to the People? Voter Manipulation, Legitimacy, and the Relevance of Moral Psychology for Democratic Theory. *Neuroethics*. 12(1). pp. 55–71. DOI: 10.1007/s12152-016-9266-7
5. Petrova, M.V. (2018) Strategies and Tactics of Verbal Countermanipulation. *XLinguae*. 11(3). pp. 185–196. DOI: 10.18355/XL.2018.11.03.18
6. Lukes, S. (2005) *Power: a Radical View*. 2nd ed. London: Palgrave.

7. Balatsky, E.V. (2019) Measurement of power by Steven Lukes. *Mir Rossii – Universe of Russia*. 28(2). pp. 172–187. (In Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-2-172-187
8. Subochev, V.V. (2009) Legitimate interests: the basis of theory. *Gosudarstvo i pravo*. 5. pp. 15–23. (In Russian).
9. Cakmak, F. (2018) The role of ideology in political communication and media. *Journal of Social Sciences Research*. 4(12). pp. 813–819. DOI: 10.32861/jssr.412.813.819
10. Gómez, J.D.F., Hernández-Santaolalla, V. & Sanz-Marcos, P. (2018) Influencers, Personal Branding and Political Ideology on Twitter. *Cuadernos.info*. 42. pp. 19–37. DOI: 10.7764/cdi.42.1348
11. Bouvier, G. & Machin, D. (2018) Critical Discourse Analysis and the Challenges and Opportunities of Social Media. *Review of Communication*. 18(3). pp. 178–192. DOI: 10.1080/15358593.2018.1479881
12. Malko, A.V. (2018) Ogranicheniya v prave: problemy teorii, praktiki, politiki [Limitations in law: problems of theory, practice, politics]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 12. pp. 238–248.
13. Lerner, M. (1988) *America as a Civilization: Life and Thought in the United States Today: with a Postscript Chapter "The New America", 1957–1987*. Oxford & IBH Publishing Company.
14. Rudinow, J. (1978) Manipulation. *Ethics*. 88(4). pp. 338–347.
15. Braiker, H.B. (2004) *Who's Pulling Your Strings? How to Break the Cycle of Manipulation and Regain Control of Your Life*. New York: McGraw-Hill Prof Med/Tech.
16. Kasatkin, P.I. & Bobrova, M.A. (2016) Theoretical reflection on the “American civil religion” concept. *Mezhdunarodnye protsessy – International Trends*. 3(46). pp. 81–95.
17. Podjed, D. (2016) We Don't Need Another Hero! The Importance of Celebrities in the Post-Truth Era. *Traditiones*. 45(1). pp. 7–20. DOI: 10.3986/traditio2016450101
18. Palmer, C.L. & Peterson, R.D. (2016) Halo Effects and the Attractiveness Premium in Perceptions of Political Expertise. *American Politics Research*. 44(2). pp. 353–382. DOI: 10.1177/1532673X15600517
19. Peterson, R.D. & Palmer, C.L. (2017) Effects of Physical Attractiveness on Political Beliefs. *Politics and the Life Sciences*. 36(2). pp. 3–16. DOI: 10.1017/pls.2017.18
20. Kasatkin, P.I. & Ivkina, N.V. (2017) The Personality of the President as a Factor in Shaping the Foreign Policy Agenda of the United States (the Case of Obama). *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 1. pp. 125–135. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2017.01.11
21. Diksit, A. & Neylbaff, B. (2015) *Teoriya igr. Iskustvo strategicheskogo myshleniya v biznese i zhizni* [The Art of Strategy. A Game Theorist's Guide to Success in Business and Life]. Translated from English by N. Yatsyuk. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
22. Fromm, E. (1995) *Begstvo ot svobody* [Escape from Freedom]. Translated from German by A.V. Aleksandorova. Moscow: Progress-Univers.
23. Tesich, S.A. (1992) Government of Lie. *The Nation*. 254(1). pp. 12–14.
24. Oxford Dictionary. (2016) *Word of the Year*. 16th November. [Online] Available from: <http://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016> (Accessed: 20th June 2019).
25. McDermott, R. (2019) Psychological Underpinnings of Post-truth in Political Beliefs. *PS – Political Science and Politics*. 52(2). pp. 218–222. DOI: 10.1017/S104909651800207X
26. Clement, S. & Guskin, E. (2016) Post-ABC Tracking Poll Finds Race Tied, as Trump Opens up an 8-Point Edge on Honesty. *Washington Post*. 2nd November.
27. Rose, D.C. (2018) Avoiding a Post-truth World: Embracing Post-normal Conservation. *Conservation and Society*. 16(4). pp. 518–524. DOI: 10.4103/cs.cs_17_131
28. Charles, L., Ross, L. & Lepper, M. (1979) Biased Assimilation and Attitude Polarization. *Journal of Personality and Social Psychology*. 37(11). pp. 2098–2109. DOI: 10.1037/0022-3514.37.11.2098
29. Johnson-Laird, P.N. (2012) Inference with Mental Models. In: Holyoak, K.J. & Morrison, R.G. (eds) *The Oxford Handbook of Thinking and Reasoning*. Oxford Handbook Online. pp. 134–145.

30. Schwarz, N., Newman, E. & Leach, W. (2016) Making the Truth Tick and the Myths Fade: Lessons from Cognitive Psychology. *Behavioral Science & Policy*. 2(1). pp. 85–95. DOI: 10.1353/bsp.2016.0009

31. Lavrov, S.V. (2019) O Dne Pobedy [About Victory Day]. *Mezhdunarodnaya zhizn' – The International Affairs*. 6. pp. 4–9.

32. Horton, P. & Brown, G.W. (2018) Integrating evidence, politics and society: a methodology for the science-policy interface. *Palgrave Communications*. 4(1). Article 42. DOI: 10.1057/palcomms.2016.77

33. Angermuller, J. (2018) Truth after post-truth: for a Strong Programme in Discourse Studies. *Palgrave Communications*. 4(1). Article 30. DOI: 10.1057/s41599-018-0080-1